

С. Ю. Корниенко

Новосибирский государственный педагогический университет

**«Город “сибов”, “китаёзов”, обывателей и чиновников»,
или «Новая Америка»:
Новосибирск в канун Великого перелома**

Статья посвящена образу Новосибирска в путевых записках Глеба Гонцова, которые были опубликованы на страницах пражского эсеровского журнала «Воля России». Это самое детальное представление города в периодике Русского зарубежья 1920–1930-х гг. Записки Г. Гонцова беллетризованы, а их автор демонстрирует навыки модернистского письма (структура текста фрагментирована, стиль экспрессивен, позиция нарратора близка к модернистской).

Основная проблема, поставленная в статье, связана с установлением подлинного автора этих записок. Доказано, что основные авторы «Воли России» (Владимир Лебедев, Владимир Зензинов), вероятнее всего, не имеют отношения к этому циклу очерков. С Зензиновым у автора очерка есть биографические пересечения (рождение в семье сибиряка, дореволюционная эмиграция в Швейцарию, опыт сибирской ссылки, участие в омской «Директории»), с Лебедевым его роднят некоторые характеристики письма. Кроме того, Владимир Лебедев имел опыт нелегального посещения России.

Верифицирована дата, поставленная под новосибирским очерком, – «ноябрь 1928 года». Это подтверждено событийной канвой очерка, в котором подробно описано новейшее новосибирское здание – Доходный дом ГОМХа, а также упомянута смерть М. Лашевича.

Рассказчик уверенно именуется Новосибирск «провинциальной столицей», «столицей Сибири», «новой столицей Сибири», не подвергая сомнению такой статус города. С его точки зрения, молодой город требует осмысления и вживания в него, проникновения внутрь и изучения процессов, а не небрежного, скользящего взгляда фланера.

В образе Новосибирска реализуется концепт «третьей столицы», важный для культуры Русского зарубежья, а его мифология выстраивается вокруг представления Сибири как пространства, в котором анархическая «вольнo-народная» колонизация постоянно сталкивается с регламентирующим государством. Таким «местом силы» в Новосибирске становится, по мнению Глеба Гонцова, район вокруг речки Каменки, где расположилась новосибирская Нахаловка. В упорстве жителей этого района Гонцов видит возможность «революции снизу», трансформации системы и воплощение эсеровского идеала народного самоуправления. Большое значение имеет привлеченный Гонцовым литературный контекст. В конце очерка звучат строки «Новой Америки» А. Блока, причем текст Блока подвергается перечитыванию. Новая Америка становится не образом всей России, а локализуется в небольшом амбициозном городе. Причем образ сибирской Америки связывается не столько с идеей технического прогресса, сколько с идеями вольной жизни и самоорганизации.

Корниенко Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, sve-kornienko@yandex.ru)

Ключевые слова: история и культура Новосибирска, Глеб Гонцов, путевые заметки, литература путешествий, сибирский текст, областничество, литература Русского зарубежья.

В 1920-е гг. нелегальные поездки эмигрантов по Советской России не были такой уж редкостью: летом 1924 г. после перехода границы был задержан чекистами легендарный Борис Савинков. Арест, задержание и покаянная публицистика Савинкова вызвали нешуточную реакцию в советской и, особенно, в эмигрантской политической и литературной среде – вал очерков, фельетонов, публичных дискуссий. В самом начале 1927 г. в Берлине выйдет книга Василия Шульгина «Три столицы: путешествие в Красную Россию», издание которой будет сопровождаться скандалом: побег одного из руководителей подконтрольной ГПУ организации «Трест» Александра Опперпуга и данные им показания о подконтрольности всей поездки Шульгина по Советской России вызовут общественный резонанс.

А осенью того же года пражский литературно-политический эсеро-журнал «Воля России» начнет публиковать очерки эсера Глеба Гонцова «Снова по родной земле. Путевые впечатления нелегального». Необычность заметок в том, что их автор не декларирует свой вояж как экспедиционную поездку (так СССР посещали многие эмигранты), а, как это объясняется в первом очерке, окончательно уезжает в Советскую Россию, чтобы затеряться среди советских граждан. Московский и ленинградский цикл заметок печатается почти год (до лета 1928 г.). Публикация обрывается, возобновляясь спустя полгода. В январе 1929-го выходит первый очерк сибирского цикла с подзаголовком «В Сибирь – Сибкрай». Главной целью сибирского турне эсера-инкогнито становится Новосибирск образца осени 1928 г., или (такой подзаголовок появляется у новосибирской заметки) «Город “сибов”, “китаёзов”, обывателей и чиновников» [Гонцов, 1927; 1929].

Глеб Гонцов, разумеется, псевдоним, соответствующая пометка появляется при публикации уже первого очерка. И ничто не может удержать от филологического соблазна: попробовать установить имя автора и верифицировать его путевые заметки с позиций декларируемого нарратором non-fiction характера его текста. Установить подлинность очерков с точки зрения дат и событий несложно: тексты, действительно, писались «с колес» и были переправлены двумя партиями (отсюда полугодовой перерыв) в пражский журнал через границу Советской России. Во «внутренней», рассказанной непосредственно в цикле очерков, истории рассказчик порционно выдает свою «биографию», представляя себя как старого революционера (эсера) и поклонника лирики Александра Блока, цитатами из которого прошиты все очерки. В скобках заметим, что вероятность частичной мистификации фактов автобиографии высока, в том числе и из конспиративных соображений.

Авторская легенда включает дореволюционную сибирскую ссылку и заключение в некоей тюрьме на енисейских просторах (город не указан, возможно, Красноярск или Минусинск), путешествие по Алтаю – вплоть до знаменитого Беловодья. Кроме того, в очерках есть намек на опыт еще дореволюционной эмиграции. Так, в Москве рассказчик, посетивший московский «паноптикум» (Мавзолей), разглядывая «бренные останки» застывшего мертвого Ленина «со сжатым кулачком», вспоминает живого и подвижного «того самого Ленина на эмигрантских наших собраниях», который «не жалел в злобной полемике ни клеветы, ни подтасовок» [Гонцов, 1927, с. 49]. Этот же прием – видение живого сквозь мертвое, когда смерть или сообщение о смерти от vis-à-vis становится триггером, запус-

кающим поток воспоминаний и восстановление личной истории, будет использован и в новосибирском очерке. Так, в живой толчее базарной площади, новосибирский приятель Гонцова вспоминает Михаила Лашевича, одного из председателей Сибревкома.

Появление в очерке сообщения о недавней смерти Лашевича не только добавляет штрих к невероятной авторской легенде: рассказчик помнит его еще по фронту (вероятно, Первой мировой войны), участие в которой мы добавляем в авторский биографический кейс наряду с опытом сибирской ссылки и дореволюционной эмиграции. Для нас существенно, что таким образом верифицируется дата, поставленная под очерком (ноябрь 1928 г.). Михаил Лашевич, бывший председателем Сибревкома в 1922–1925 гг., действительно, скончался при загадочных обстоятельствах 30 августа 1928 г. в Харбине.

Второе подтверждение подлинности датировки – детальное описание новейшего новосибирского здания – доходного дома ГОМХа (Городского отдела местного хозяйства). Так, в справочнике С. Баландина [Баландин, б/г] отмечено, что доходный дом ГОМХа, сейчас – памятник конструктивизма, гостиница «Центральная», был сдан в 1928 г. Сдача нового объекта затянулась: здание строилось два года – в 1926 и 1927 гг., причем открытый монолитный железобетонный каркас был новацией в архитектуре Новосибирска. Новая для Сибири технология, действительно, вызвала проблемы при строительстве: в первую же зиму здание стало проседать, а стены промерзать, поэтому первый проект известного архитектора Д. Фридмана был существенно переработан сибирскими инженерами-строителями.

Итак, два отмеченных факта (отклик на смерть М. Лашевича и подробное критическое описание новейшего здания) позволяют подтвердить, что в очерке перед нами действительно предстает Новосибирск осенью 1928 г.

Большие трудности вызывает установление авторства. Пока подлинное имя Глеба Гонцова остается загадкой (а расшифровка этого псевдонима – серьезной задачей для исследователя). Редационный портфель «Воли России» не был столь велик, и большим соблазном было бы выбрать из числа авторов журнала самого подходящего. Таким подлинным героем, способным на подобный поступок, был один из редакторов журнала, видный эсер Владимир Лебедев, один из самых близких и верных друзей Марины Цветаевой, в прошлом которого были и опыт революционной борьбы, и доблестная служба во французском Иностранном легионе на фронтах Первой мировой, недолгий стремительный политический взлет – управление морским министерством про Временном правительстве, события Гражданской войны (в Поволжье) и участие в революционных событиях в Болгарии (уже в 1920-е гг.). Однако, скорее всего, это не он. И дело не только в несопадении фактов реальной биографии Владимира Лебедева с автобиографической легендой Глеба Гонцова. Владимир Лебедев, действительно, посетил советскую Россию, но летом 1929 г., сам визит был очень коротким, включал Москву, Ленинград и условный провинциальный город N. Цикл заметок В. Лебедева «В России» начал публиковаться в том же пражском журнале уже по возвращении из опасного путешествия (в 1929 г., сразу после заметок Глеба Гонцова). В московском очерке Вл. Лебедева город наполнен «стайками» юных ленинцев, что позволяет с точностью до недели указать время его пребывания в Москве (Первый Всесоюзный слет пионеров проходил 18–25 августа 1929 г.).

Путевые заметки Владимира Лебедева существенно отличаются от текстов Глеба Гонцова, с которым они, уже по лебедевской легенде, встречаются в 1929 г. в Москве. Отличия наблюдаются и в стилистическом плане – притом, что оба цикла очерков весьма беллетризованы, а авторы явно демонстрируют навыки модернистского письма, и в дискурсивно-идеологическом. Если литературными от-

цами Глеба Гонцова являются Пушкин и Блок, его рассказчик – носитель пушкинско-блоковского чувства стихии и города, то Владимир Лебедев явно тяготеет к природному, ремизовско-пришвинскому полюсу. В дискурсивном плане герой Глеба Гонцова – почти бесстрастный наблюдатель, хроникер событий, это «исчезающий субъект в огнях большого города» (В. Беньямин), цель которого – затеряться в России. Рассказчик Владимира Лебедева (в скобках заметим, действующего политика, пусть и в изгнании) активно коммуницирует (например, вмешивается, с риском быть обнаруженным, в пионерскую экскурсию по местам большевистской и эсеровской боевой славы), а каждое наблюдение сопровождает своеобразной аналитической справкой и политическим проектированием [Лебедев, 1930]. Эти тексты, на наш взгляд, писали разные личности.

Не менее существенно, что в 1927–1928 гг., когда путешествовал Глеб Гонцов и выходили его очерки, Владимир Лебедев находился в публичном пространстве и никуда надолго не пропадал. В частности, пражская и парижская хроники подтверждают его постоянное участие в вечерах «Воли России», в газете «Дни» выходят его полемические статьи, в это время он курсирует между тремя городами (Париж, Прага, Белград), встречается с сербским королем и занимается делами белградского «Земгора», незамедлительно попадая в поле зрения эмигрантских журналистов.

Другой постоянный автор «Воли России», известный эсер, журналист и писатель Владимир Зензинов, в отличие от Лебедева, имеет бóльшие биографические пересечения с героем очерка. В его биографии были и дореволюционная эмиграция (Швейцария в 1905 г., где он мог пересекаться с Лениным на эмигрантских собраниях), и сибирская ссылка (дважды – в 1907 и 1910–1914 гг.), и участие в омской Директории в годы Гражданской войны (отсюда знакомство с В. Болдыревым). Не менее важна его генеалогия: род купцов Зензиновых имел сибирские корни (в Иркутске есть улица Зензиновская). Отец писателя, Михаил Зензинов, никогда не разрывал связи с сибирским землячеством, на его чайных магазинах красовалась вывеска «Сибирский Торговый Дом Братя Зензиновы», а участие в работе «Общества Помощи Нуждающимся Сибирякам и Сибирячкам» выразилось в том, что в его доме на постоянной основе всегда жили три студента-сибиряка. Однако биографических пересечений недостаточно, чтобы уверенно установить авторство записок Г. Гонцова. Существенным аргументом против такого предположения будет публичность фигуры В. Зензинова, в известной на данный момент биографии которого не было ни исчезновения на два года из политического и литературного поля Русского зарубежья, ни тайной поездки в Советскую Россию. Другой аргумент связан с характером письма Г. Гонцова – экспрессивного, с рваной сегментацией текста (этим его стиль, скорее, похож на лебедевский), наполненного литературными аллюзиями, весьма отличающегося от неторопливого стиля В. Зензинова. Эти авторы, на наш взгляд, принадлежат к разным полюсам литературного поля: если Гонцов явно тяготеет к модернизму, то Зензинов остается в комфортном поле реалистической традиции.

Уже в начале своего пути Гонцов уверенно именуется Новосибирск «провинциальной столицей», затем – «столицей Сибири», «новой столицей Сибири», и ни разу этот аспект не подвергается сомнению. Более того, рассказчик через отказ банально описывать путь первого дня проговаривает важную идею: молодой город требует осмысления и вживания в него, проникновения внутрь и изучения процессов, а не небрежного, скользящего взгляда фланера. Герой запросто разговаривает с редактором «Советской Сибири», проводит дни в здании Сибревкома, узнавая старых знакомых по Директории и, парадоксальным образом, оставаясь неузнанным.

Новосибирск Глеба Гонцова концептуально приближается к культивируемому в эмигрантской культурной среде образу «третьей столицы», одинаково не похожей ни на Москву, которая представлена как «паноптикум» с мавзолеем в центре, ни на разоренный нежно любимый автором Петербург (Рим), по которому еще бродят стихия и лихой человек из блоковских «Двенадцати» (ленинградский цикл очерков). Мифология Новосибирска выстраивается вокруг уже отчасти сформированных в литературе сибирского областничества общих представлений о Сибири как месте постоянной борьбы анархической по своей природе «вольной-народной колонизации» и проникающего всюду государства с его «утилизацией и регламентацией» [Ядринцев, 1882, с. 127]. С точки зрения Ядринцева, при определенных условиях эта область (юг Сибири он представляет как «эльдorado», превращенное государством в «место ссылки, тьмы и холода») должна получить развитие, на ней может быть создана новая жизнь и гражданственность, так как «из колонии может вырасти нация» [Там же, с. 434].

Если апелляции сибирских областников в основном обращались к государству, способному обеспечить сибирское процветание сверху, то в XX в. партия эсеров будет добиваться «подлинного земства», т. е. самоуправления и федерализации, революционными методами. В сентябрьском номере журнала «Воля России» за 1928 г. будет опубликован дайджест из дневников 1918–1919 гг. В. Лебедева времен событий на Волге, активным организатором которых он был (от организации народной армии в Самаре до взятия Казани и захвата золотого запаса России):

Все здесь в провинции серо. Вокзалы забиты крестьянами, в поездах – крестьяне. Подлинное бесконечное мужицкое царство. Чувство беспредельной мужицкой мощи охватывает все существо, и понимаешь не только рассудком, но и чувством, что нет такой силы, которая могла бы навязать на длительный период свою волю освободившемуся крестьянству. Москва и Петербург с их партиями, интеллигенцией, советами, с их непрерывной сменой настроений и бредовой жизнью остались далеко позади. Слово в другом мире! <...>

И горе, если большевизм в представлении деревни отождествится с городом. Уже мужик отказывается давать хлеб большевистскому городу и переходит к натуральному хозяйству. Хотя как бы ни была страшна, как бы была ни губительна гражданская война, Россия от нее быстро оправится. Путь ее грядущего развития – это путь Соединенных Штатов. И вместо многих разоренных теперешних захудалых городов свободный мужик настроит огромные торговые и промышленные центры, нужные не только мещанам и бюрократии, а и ему, то есть подлинному государству [Из архива В. Лебедева, 1928, с. 67–68].

Надежды эсера-путешественника локализуются в определенной точке Новосибирска, очерк Глеба Гонцова заканчивается настоящим гимном новосибирской Нахаловке, ветхие домишки которой предстают как «место силы», а упорство их обитателей ведет к стихийной анархической революции снизу (идея-фикс эсеровской эмиграции), способной преодолеть большевистскую чиновничью диктатуру.

В финале новосибирского очерка звучат строки «Новой Америки» Александра Блока. Если Блок в историософской перспективе прочерчивает в образе Новой Америки путь всей большой России, то в этом очерке она становится находимой и локализуется в стремительно растущем городе с анархической душой, затерянном в Барабинской степи. В этом «американизм» Глеба Гонцова, определившего в качестве «места силы» совсем не каменные и бетонные дома «официального Новосибирска», отличается от лебедевской мечты об Америке «торговых и промышленных центров» (в скобках заметим, типичной для левого политика той эпохи). Для Глеба Гонцова (и здесь проявляется его областническая генеалогия)

образ сибирской Америки связывается не столько с футуристической идеей прогресса, сколько с идеями вольной жизни на новой земле и самоорганизации.

Список литературы

Баландин С. Н. Новосибирск: история градостроительства. 1893–1945. URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/344> (дата обращения 03.05.2019).

Гонцов Г. Снова по родной земле. Путевые впечатления нелегального // Воля России. Прага, 1927. № 10. С. 44–60.

Гонцов Г. Снова по родной земле. Путевые впечатления нелегального // Воля России. Прага. 1929. № 3. С. 40–60.

Из архива В. Лебедева // Воля России. Прага, 1928. № 8–9. С. 50–187.

Лебедев В. В России // Воля России. Прага, 1929. № 10–11. С. 3–36.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия: современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

Приложение

Глеб Гонцов

СНОВА ПО РОДНОЙ ЗЕМЛЕ *Путевые впечатления нелегального* ГОРОД СИБОВ, «КИТАЁЗОВ», ОБЫВАТЕЛЕЙ И ЧИНОВНИКОВ

Вышли мы с вокзала – меня на вокзале встретил кто надо – и пошли на квартиру. Квартира у самой Оби. У меня вещей – как кот наплакал. Да и то, кот, который плакал, был мал. Всего портфель, да небольшой узелок. Портфель приятель взял, и решили мы пешком идти.

– С городом сразу ознакомитесь.

Итак, начнем знакомиться. Куда как полезно познакомиться с провинциальной столицей. У вокзала полным-полно мальчишек, чистильщиков сапог.

– Дяденька, почистим за пятак...

Среди чистильщиков несколько китайчат.

– Тут они на заднем плане, китаезы, – говорит мне спутник. Вот увидите, в городе сколько их.

Выходим на Межениновскую¹.

Впрочем... Впрочем, лучше расскажу я мое путешествие через весь город от вокзала до Оби, не так, как рассказывал бы я его в тот первый день, с неизбежными диалогами, вопросами и разъяснениями спутника, а так, как его нужно рассказывать теперь, прожив свыше месяца в Новосибирске².

Еще при выходе моего с вокзала, в день приезда, мне бросилось в глаза несколько китайчат, чистильщиков сапог.

---

¹ Межениновская улица была названа в честь инженера-путейца Николая Павловича Меженинова (1838–1901), начальника строительства Средне-Сибирской железной дороги. В 1934 г. была переименована и ныне носит название улицы Челюскинцев.

² Благодарим Муниципальное казенное учреждение культуры города Новосибирска «Музей Новосибирска» и его сотрудников за предоставленный иллюстративный материал.

Перрон новосибирского вокзала
Perron of Novosibirsk Station

А затем пошли попадаться на глаза «китаезы»... Сколько их, однако, в Новосибирске? Пятнадцать тысяч – говорят сведущие люди. Иными словами, на каждые одиннадцать (или десять) человек белых приходится один китаец.

Откуда их столько взялось? Покровительственная политика компартии... «Китаезам» власть протезировала здорово. То ли она думала этим привлечь китайские сердца к коммунизму, то ли ею руководили иные причины, но китайцев набилось в Новосибирск много. И бывших гепоушников, и красноармейцев, и просто мирных «ходей».

Все киоски в их руках. На рынке **вся** зелень в их руках. На **лотках** торгуют они.

Китаец берется за **все**, делает **все**, торгует **всем**.

Бродячие сапожники, стекольщики, маляры, «золотари», разносчики – все китайцы. Китайские прачечные. Китайцы прислуга.

Конкуренцию русским они развели огромную. Очень этой публике благоприятствовали меньшие налоги, их меньшая требовательность и прочее. Впрочем, теперь с ними начали вести борьбу Центросоюз и Акорд – бывший Сибторг.

«Китаезы» и «ходи» начали даже акклиматизироваться, жениться на русских «мадама», и требовать, чтобы их называли Мишами, Петями и Иван Ивановичами.

– Луски мадама бели, – отдает китаец предпочтение русским...

Русских женщин обожают. В результате этих смешанных браков появилось немало очаровательных полукитайчат.

Обнаглели «китаезы» страшно. Иногда даже в издевку над русскими пускаются.

Спросит его подвыпивший рабочий:

– Ходя, соли хочешь?

– Улус, а твоя свобода надо?

А то еще хуже.

– Улус, ланьше твоя капитана, тепель моя капитана.

Или:

– Улуса матама тватцать копейк стоит.

Другой вариант:

– Улуса матама тватцать копейк, бели-бели...

Покровительство покровительством, но в «китайской политике» стал замечаться крутой поворот. Русские начали давать «ходям» отпор. И я видел, как милиционер под злорадный хохот рабочих бил китайца и приговаривал:

– Будет тебе у русских хлеб отбивать...

– Я – товарис, я – товарис...

– Я тебе покажу, какой ты мне товарищ!

– Я тозе лабочий.

– Я тебе покажу – лабочий!

– Дай ему еще, дай ему еще, – подзуживали с тротуара рабочие. Ишь, нашелся товарис лабочий.

Рабочие китайцев – конкурентов – ненавидят. Обыватель к ним индифферентен, но с оттенком недоброжелательства, хотя труд «ходи» и дешевле труда русского рабочего.

Обыватель? Ну, конечно, он есть обыватель. Он сохранился в полной неприкосновенности в Новосибирске, амальгамировал родственную массу пришельцев в эту сумасшедшим темпом выросшую столицу Сибири.

Обыватель живет своей жизнью – праздники, церковь, именины, сплетни...

Политические сплетни особо – это «шептограммы». И чего только обыватель в этих шептограммах не шепчет.

Шепчет, шепчет, шепчет – но в советские дни вывешивает аккуратнейшим образом флаги. В страхе перед штрафом расцветчивает домишко. И пьет горькую.

«Обывательщина» вошла крепко в новосибирский лексикон.

«Обывательщиной» корят коммунистов.

Обыватель чаще всего домохозяин.

Обыватель ненавидит большевиков.

Но больше всего он ненавидит **деревянные тротуары**, ибо обязан строить их за свой счет.

Вся Михайловская ³ – в этих обывательских деревянных тротуарах.

Вот и «Рабочий Дворец», при Колчаке – госпиталь, в старые времена – Купеческое Собрание. Теперь в нем Госопера.

Но рабочие потребовали, чтобы вывеска «Рабочий Дворец» была снята, ибо рабочий туда не попадал.

Пройдите всю Михайловскую, и вы не найдете ни одного **частника**. Но есть «кустари»: поргные, сапожники, колбасники.

На углу Межениновской и Михайловской «Томпо» – томское железнодорожное потребительное общество.

А на Кузнецкой, по правую сторону, Сибмедторг, «не тот, который медом торгует», как говорил мне «спекулянт» в вагоне, а который сибирскую медицинскую помощь оказывает, – торгует соответствующими продуктами, затем «Охотсоюз», затем «Пролеткино», и в том же здании, в новом колоссальном «Дворце Труда», вы видите:

---

³ Ныне бывшая улица Михайловская – участок улицы Ленина, от вокзала «Новосибирск Главный» до театра «Красный факел». В 1961 г. была объединена под этим названием с упоминаемой далее улицей Кузнецкой, которая шла от Базарной площади до Михайловского лога.

«Профсоюзы – Школа Коммунизма!» и на ступеньках, на деревянной подставке стоит бронзовый Ленин в три человеческих роста, без шапки, –
– Простуживается...

так острят о нем коммунистические остряки.

Ленин свободной рукой – другой он держит шапку – указывает на Запад. Спальной же символически обернулся к Востоку.

Перед «Дворцом Труда» сквер с молодняком, цветниками и собаками.

В бывшем морозовском «корпусе» мануфактуры – нынче помещается Почта, а за Почтой высится огромный – а ля американец, так говорят новосибирские сливки общества – «Доходный Дом».

Доходный Дом
Commercial Apartment Building

«Доходный Дом» построила **Гомха** – городское хозяйство. Это пятиэтажное бетонное здание, со «сквозными стеклами». В нем шикарные гостиница и ресторан, внизу кафе и магазины. Цель «Доходного Дома» эксплуатационная. Но его так строили, что он превратился, по слову все тех же остряков, в

«расходный».

Зимой лопнувшие трубы, провалившиеся потолки, оседающие стены. **Как правило** – новые постройки оседают, потолки в них проваливаются. Не помогают и суды над строителями.

Словом, «Дворец Труда», по газетным только сведениям, дал двадцать три трещины. Того гляди обвалится как-нибудь... Ремонт уже подкатился тысяч под тридцать.

Дворец Труда.
Ныне здание занимает Государственная Академия Водного Транспорта (НГАВТ)
Palace of Labor.
Now the building is occupied by the State Academy of Water Transport

Против Почты **Сибторг**. Это бывший Текстильсиндикат (московский). Текстильсиндикату вследствие «**параллелизма**» и конкуренции пришлось закрыться и сдать свои товары Сибторгу. Однако текстильных товаров в настоящий момент в Сибторге нет. В нем сейчас торгуют скобяным товаром.

Рядом с Сибторгом место притяжения наших и провинциальных коммунистов –

Казино.

В Казино, само собой разумеется, игорный дом. Там в первое время – после введения Нэпа – дулись «растратчики». Казино, это небольшой бревенчатый барак, внутри три приличных отделения – комнатами, и в них за столами «жарят» в «девятку», «шмен де фер», и царят настоящие крупье. Публика, – ее не особенно много, – «командировочные» из провинции и совслужащие. Иначе говоря, в большинстве своем коммунистическая публика.

А затем несколько «**пивнушек**».

В этих пивнушках не напьешься даже и чаю. Только пиво в них имеется.

Пивнушек в каждом квартале не оберешься. О пивнушке стоит сказать несколько слов. Это явление особого порядка.

Пивные заводы: «Омсельпром» – омский, «Вена» – новосибирский, есть еще и третий, но помельче, дают содержателям определенный процент с ведра. Омсельпром дает кроме того и помещение. Надо видеть это «помещение»!..

Все три завода – **государственные**. Ведут они между собою самую дикую конкуренцию.

В то время, как во всем раскинувшемся на огромное пространство Новосибирске нет ни одного **частного** ресторана, пивнушки все частные и фактически пользуются поддержкой государства, являясь главными местами потребления населением государством изготовленного пива.

Пивнушка это – верх безобразия. Это – источник заразы. Это – очаг беспорядного пьянства. Грязь в пивнушке неопишущая.

Визжит трехрядка «итальянка», надрывается скрипчишка. Играют за полтинник «по заказу».

Приходит публика – кого только нет! – с бутылкой водки в кармане. И пьют «ерша» – подлую и крепкую смесь: полстакана пива, полстакана водки.

Висит в воздухе ругань. Поднимается драка. Впутывается полиция. Это уже падение – пивнушка... Ибо грязь в ней воистину страшная. А публика? А публика – все, начиная с интеллигенции!

Единственно утешительно, что «баб» – профессионалок – в пивнушку все же не пускают.

Итак, частного ресторана больше нет. Питаться, тем у кого нет семьи, надо главным образом в столовых кооперативах **Нарпита**. Я в них все время и столовался.

Борщ, суп, щи с мясом и всякие вторые. Цена – пятьдесят, шестьдесят копеек без сладкого. Салфеток нет. Относительно чисто. Подают «**нарпитчики**» – мужчины и женщины. «Выходной» – праздничный день нарпитчиков вторник, в этот день надо искать **дежурную** столовку. Гармонисты, скрипачи вместе с остальными деятелями искусства выходным днем имеют понедельник. Это день «**Рабиса**» – работников искусства. Тогда, как для всех остальных профсоюзов выходной день – воскресенье.

Между прочим, изречение «Профсоюзы Школа Коммунизма» нисколько не отвечает истине. Коммунизм в профсоюзах, во всяком случае, здешних, ругают ругательски. И чисто коммунистический список на выборах пройти не может.

Идем дальше. Несколько частных магазинов, конечно, часовых, и, конечно, еврейских. Дальше, дальше. Базар. Грязь непролазная.

И гнусаво, старчески дребезжащим голосом поет нищий слепой старик псалмы. Обычно он стоит у «Доходного Дома». Сегодня же очутился на базаре.

С непокрытой головой, с волосами, сбившимися в войлок, с каштановой – лопатой – с проседью бородой, с лицом в крупных оспинах, оборванный, несчастный, он тянет на холодном ветру очередной псалом и собирает в железную кружку подаяние;

– Подайте Христа ради...

Прохожие подают.

Гомха сдает на базаре деревянные магазинчики – новосибирские торговые ряды. Тут уже можно встретить и «частника»: скобяники, кожевенники, торговцы красками, готовым платьем, мылом, жвачкой-серой, и т. д. и т. д.

Зелень, как я уже заметил, вся в руках ходей.

Базар так грязен, что не спасут никакие сапоги. В этом году, впрочем, его начали мостить булыжником.

В общем, базар новой столицы Сибири жалок. Привоза почти нет. Картофель, свинина, гуси, прочая снедь и дичь **исчезли**. А еще – говорят «старожилы» – в 1924–<192>5 годах всего этого было море разлитое: покупай – не хочу. Но с каждым годом все меньше и меньше – в прямой прогрессии – становился привоз.

Причины? Отчасти закупка кооперативами на местах, отчасти деньги не имеют значительной ценности, **потому что почти нет мануфактуры**.

Но не только мало мануфактуры. Мало и скобяного товара. Нет железа. Мало красок. Нет цинка. Во всей Сибири нет олифы.

Я хожу по базару и прицениваюсь. Масло – рубль семьдесят пять копеек кило; мясо – семьдесят пять копеек кило; хлеб – шестнадцать копеек кило; сахар – семьдесят пять копеек кило – кусковой. Пара плохоньких валенок – десять-

четырнадцать рублей; столько же стоят плохонькие ботинки. Хорошие валенки идут за двадцать рублей. Ай! Хорошие дамские туфли? Тридцать пять рублей... Ай-яй! Хороший мужской костюм – полтора рубля... Ай-я-яй! Плохонькой – шестьдесят рублей.

Вид на Доходный дом с базарной площади
View of Commercial Apartment Building from Market Square

Мой приятель сопровождал мои восклицания наставительными:

– Вот и проживешь здесь на шестьдесят-семьдесят рублей.

– Вот и обуй, одень детей.

– Вот и оставайся честным,

И вдруг по ассоциации спросил:

– Лашевича помнишь?

– Как не помнить? По фронту еще помню.

– Вот Лашевич ходил в щегольских костюмах. А на собраниях появлялся в грязной, грязной тужурке времен гражданской войны.

Здесь, в Новосибирске все еще полно воспоминаниями об элегантном, самоуверенном и решительном Лашевиче. Лашевича коммунисты называли «наместником» и «**вице-королем**» и подозревали беспокойного председателя Сибревкома в желании «**отделить Сибирь**»...

Весть о его трагическом конце в Маньчжурии вызвала в одних злорадство, а в других:

– Этого надо было ожидать.

Свернем направо. На Красный Проспект. Красный Проспект – название привнесшее – это бывший Николаевский. Николая вообще здесь не вспоминают.

А вот улица Максима Горького, вместо Табезиновская ⁴, не удержалась. Асинкритовская ⁵, а не Рабочая. Правда, наезжая публика начинает говорить Рабочая.

На Красном, на левой стороне, здание **Промбанка**, огромного, современного четырехэтажного дома. Это – новая стройка. И чего, чего в нем только нет: промбанк, швеймашина, ленинградтабактрест, акорт, жиркость – это и есть «тэжэ».

Мужики говорят:

– Идем у тэжэ.

– У тэжэ мыло лучше.

Там же магазины военных топографов и т. д. и т. д.

В витрине:

«действие газа»,

обожженные руки, лица, миниатюрные окопы, винтовки и прочие атрибуты войны и устрашения.

Напротив Промбанка – красное здание. Это бывший «городской корпус», а ныне магазины Сибмедторга. В витринах чудеснейшая выставка – иначе и слова не подберешь – изящных, художественных вещей из мамонтовой кости. Изделия эти из Якутии. От них глаз оторвать невозможно.

Вот сани, запряженные оленями. Вот юрты. Вот собака... Но как это все вырезано! Какое высокое искусство. И какая дешевка – планка с шестеркой собак, с санями стоит шестьдесят рублей. И нет покупателей...

Рядом с этим магазином «**Акорт**» – там мебель, скобяной товар и мануфактура. Это новосибирской Мюр и Мерилиз, – так же как и Томно и Центросоюз. И рядом с этими мощными «акулами» нашего «союзного государственного капитализма» ряд похабнейших лачужек, деревянных, в которых ютятся «частные» магазинчики-лавчонки со всевозможной дрянью...

И прямо против дрянных и гнусных лавчонок высится роскошный «**Дом Ленина**».

Это место всех государственных и коммунистических съездов Сибири, **всесибирского** масштаба. В нем же помещается **Крайисполком**.

– В нем лишают прав и восстанавливают в них, – говорит мне приятель.

Тут же всевозможные клубы: коммунистический, антирелигиозный и всякие другие. Радиопередаточная станция. «Кино дома Ленина», принадлежащее Деткомиссии.

Этот «Дом Ленина» – здание в своем роде выдающееся. Его два раза перестраивали. Вначале сооружали под настоящую аракчеевскую казарму. Застыдились, отдали инженеров под суд. И переделали. Теперь перестроили его «под Мавзолей Ленина».

Это здание и есть **пульс** Сибири.

На нем огромными золотыми буквами на фасаде броненосно-стального цвета:

«Ленин умер – но ленинизм жив».

Дальше на Красном все по-старому, как на прежней Николаевской. Вот и «Первый Совкино» – хотя второго совкино и нет. Идут «Декабристы». Шел «Путь в Дамаск». Занятная пьеса «Путь в Дамаск». Но о ней надо рассказать особо.

⁴ Правильно: Тобизеновская. Улица, названная в честь губернатора Томской губернии Германа Августовича фон-Тобизена (1845–1917), была переименована в 1920 г.

⁵ Асинкритовская улица в Ново-Николаевске была названа в честь генерал-лейтенанта Асинкрита Асинкритовича Ломаческого (1848–1921; расстрелян) – томского губернатора, покровительствовавшего развитию города (до 1904 г. – поселка Ново-Николаевский Томской губернии). В 1920 г. улица была переименована в Рабочую, ныне носит имя С. А. Чаплыгина.

Дом Ленина
Lenin House

Напротив и чуть в сторону от Совкино типография и редакция «Советской Сибири», органа Сибревкома и самой большой сибирской газеты.

Я заглянул – было дело – в редакцию. Бог мой, что за беспорядок. Дошчатые перегородки, валяются книги, газеты. Все вверх ногами. Объяснение?

Редактор не может найти спеца для ведения хозяйства.

А тираж газеты до **шестидесяти тысяч** экземпляров в день, и надо **понижать** его, ибо нет бумаги... Газета в полтора листа, цена пятак. Передовые статьи – или московский штамп, или «рукоделье от безделья» собственного производства. Их никто не читает. А вот местные новости, петитные слухи, сплетни и объявления – это другое дело. Из-за них и покупают.

И, наконец, на правой стороне Красного мы доходим до «ума», до «головы» Сибири. Это прекрасное, новое здание – **Сибревкома**.

Вообще, в деревянном, одноэтажном, бревенчатом Новосибирске многоэтажные, каменные здания являются **государственными**, или, если хотите, советскими, – вернее первое, бастионами.

Это государственные острова среди обывательского потребительско-служащего моря.

Здание Сибревкома прекрасно снаружи. Войдем в него и очутимся в огромном вестибюле. Широкая лестница. И сразу же чересчур низкие потолки этажей. Советстроители и тут изгадили прекрасное здание.

Комнаты по коридорной системе. Здесь почти все «**Сибь**» – часть помещается в старом здании реального училища рядом. Здесь «сибзем», «сибздрав», «сибнарпрос», «сибстат», и т. д. Здесь владычествовал Лашевич. Здесь после него царят **латыши**: большой, самоуверенный, говорящий с акцентом, Эйхе со товарищи.

Здесь мелькает крупная фигура Болдырева, бывшего главкома неудачной омской «директории», а теперь крупного чиновника «Сибплана».

«Сибы» – сибирские народные комиссариаты – и являются одной из главных причин роста Новосибирска. «Сибы» эти какие-то **бродячие**. Кочевали из Омска в Новосибирск, назад и вновь обратно. Пока, наконец, не остановились, надо надеяться, окончательно на Новосибирске. В нем-то раньше и зданий нужных не было. Почему выбрали центром Новосибирск? Вероятнее всего из политико-**стратегических** соображений.

– Чтобы удирать легче, – говорит публика.

Раньше город рос, как торговый центр, как посредник между сказочно богатым Алтаем и остальной Сибирью. А Алтай – что за волшебная русская страна! – был сказочно богат. Уже после большевиков, «средняк» имел в нем по десять, двенадцать лошадей... А где течет Бухтерьма⁶ – что это за рай! Где поэт Алтай?..

Да, растет Новосибирск... В 1893 году, говорит энциклопедия Брокгауза и Ефрона, «Ново-Николаевск возник в виде поселка в 3 верстах от железнодорожной станции Обь».

Но уже в 1897 году в нем было «около 700 жилых домов, 5000 жителей. Пароходная пристань. До сотни лавок и магазинов».

В 1918 году – во время моего первого с ним знакомства в Ново-Николаевске насчитывалось шестьдесят тысяч душ.

И вот, в 1927 году, превратясь в Новосибирск, он приютил... сто восемьдесят (180000) тысяч жителей!..

Чем не «Новая Америка»...

Теперь Новосибирск, главным образом, **чиновный** советский город. Переселенческий пункт в нем недавно открыли. Он может стать и крупным переселенческим центром.

Да, разросся Новосибирск. Вот эти три версты, отделявшие станцию от **поселка**, мы проделали нынче. Еще не все целиком.

Спустимся вниз по Красному. Вот все тот же старый Собор. В нем «живая церковь». Сколько в ней **драк**. Настоящих, кулачных драк: «Размахнись рука, раззудись плечо». Шибко дерутся между собою верующие. Живоцерковный епископ, Блинов⁷, красив, красиво говорит, донжуан и выпить не дурак.

За Собором все старые постройки. Дальше, дальше. Спустимся под Алтайский железнодорожный мост; вот уже склады Лесзала, лесопилки, бараки, пристани, и вот наша красавица Обь. На ту сторону на низкий берег, – паром и лодки. Вверх и вниз по Оби бегут пароходики. Вот «Ленин», вот «Киргиз». Был «Лашевич» – но его, конечно, переименовали.

Бежит, растет во все стороны Новосибирск. Растет за Ельцовку, вверх по Мержениновской, растет за Каменку.

Из Сибревкомовской, – привилось название, – бывшей Вознесенской, переброшен бетонный мост через овраг и Каменку. Этот мост – гордость большевиков.

---

⁶ Верно: Бухтарма, река в Восточно-Казахстанской области (Казахский Алтай), приток Иртыша.

⁷ Петр Федорович Блинов (1893–1938; расстрелян) – деятель обновленческого движения в Западной Сибири, потом в Белоруссии.

Мост через речку Каменку
Bridge over the Kamenka River

Но под мостом... Мост переброшен вверх **«нахальных мест»** – это целая эпопея, ждущая своего бытописателя.

«Нахальные места» – это те, что берутся самовольно рабочими, настоящим **пролетариатом**. И с ним не на жизнь, а на смерть – притом пока что неудачно – воюет «Гомха».

Захватил рабочий «место», поставил десять рядов бревен – домишко «наметил» – и вот приходит по распоряжению «Гомхи» милиционер с работниками, разбросает бревна, запретит стройку. Плакали рабочие надежды...

На несколько дней работа прекращается.

Но в субботу, под воскресенье, когда у «Гомхи» **выходной** день – помещение закрыто и не действует – этот же рабочий нанимает человек с десятком товарищей, кладет бревна, **выводит печь**. Рано утром **печь горит**, а раз горит, то по **обычному** праву стройки снести уже нельзя, хотя нет еще ни крыши, ни потолка. Начинается судебное преследование, бесконечная волокита, неизвестно чем дело кончится. А тем временем подводится крыша. Ставится потолок. И бегут дома, домишки по площадкам, по скату оврага до самой Каменки, иногда заливающей чересчур сбежавшие вниз хибарки...

Есть что-то символическое в этой борьбе официального, многоэтажного, каменного, советского Новосибирска с бревенчатыми, одноэтажными, пролетарскими «Нахальными местами». Было уже около трехсот процессов... Кто победит?

И есть что-то символическое в этом бешеном росте позавчера поселка, вчера торгового, а сегодня чиновного сибирского города.

То над степью пустой загорелась

Мне Америки новой звезда...

Каменка
Kamenka River

Над Барабинской, березняком да хлебами порослой степью, еще недавно пустынной, загорелась эта звезда. Пока в ней скучно, тяжело, «обывательщина» заела. Но будущее...

А пока все под белым покровом снега.

Ноябрь. 1928 г. Новосибирск.

S. Yu. Kornienko

Novosibirsk State Pedagogical University

**“City of Siby”, “Chinatowns”, Ordinary People and Officials, or “New America”:
Novosibirsk on the Eve of the Great Breakthrough**

The article is devoted to the image of Novosibirsk in travel notes of G. Gontsov, which were published on the pages of the Prague Socialist Revolutionary magazine *Volya Rossiya*. This is the most detailed representation of the city in the periodicals of the Russian Diaspora of the 1920s and 1930s. Gleb Gontsov's notes are fictionalized, and their author demonstrates the skills of modernist writing (the structure of the text is fragmented, the style is expressive, the position of the narrator is close to the modernist).

The main problem posed in the article is connected with the determination of the true author of these notes. It is proved that the main authors of the *Will of Russia* (Vladimir Lebedev, Vladimir Zenzinov), most likely, are not related to this series of essays. With Zenzinov, the author of the essay has biographical intersections (the birth of a Siberian in the family, pre-revolutionary emigration to Switzerland, the experience of Siberian exile, participation in the Omsk "Directory"), and Lebedev has some characteristics of the letter. In addition, Vladimir Lebedev had the experience of illegal visits to Russia. The date set under the Novosibirsk essay, “November 1928”, is verified. This is confirmed by the event outline of the essay, which describes in detail

the newest Novosibirsk building – the GOMH Profitable House, and also mentioned the death of M. Lashevich. The narrator confidently calls Novosibirsk “the provincial capital”, “the capital of Siberia”, “the new capital of Siberia”, without questioning such a status of the city. From his point of view, a young city requires thinking and getting into it, getting inside and studying the processes, and not the careless, sliding glance of the flaner. In the image of Novosibirsk, the concept of the “third capital” is important, important for the culture of the Russian Diaspora, and its mythology is built around the idea of Siberia as a space in which anarchic “free-folk” colonization constantly collides with the regulating state. According to Gleb Gontsov, the area around the Kamenka River, where the Novosibirsk Nakhlovka is located, becomes such a “place of power” in Novosibirsk. In perseverance of the inhabitants of this area, Gontsov sees the possibility of a “revolution from below,” a transformation of the system and the embodiment of the Social Revolutionary ideal of people’s self-government. The literary context attracted by Gontsov begins to play a significant role. At the end of the essay, the lines of “New America” by A. Blok are heard, with the text of Blok being re-read. New America is not becoming the image of all of Russia, but is localized in a small, ambitious city. Moreover, the image of Siberian America is associated not so much with the idea of technical progress, but with the ideas of free life and self-organization.

Keywords: history and culture of Novosibirsk, Gleb Gontsov, travel notes, travel literature, Siberian text, regionalism, Russian foreign literature.

References

Balandin S. N. Novosibirsk: istoriya gradostroitel'stva. 1893–1945 [Novosibirsk: history of urban planning. 1893–1945]. URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/344> (accessed 03.05.2019) (in Russ.)

Gontsov G. Snova po rodnoj zemle. Putevye vpechatleniya nelegal'nogo. *Volya Rossii* [*The Will of Russia*], Prague, 1927, no. 10, p. 44–60. (in Russ.)

Gontsov G. Snova po rodnoj zemle. Putevye vpechatleniya nelegal'nogo. *Volya Rossii* [*The Will of Russia*], Prague, 1929, no. 3, p. 40–60. (in Russ.)

Iz arkhiva V. Lebedeva. *Volya Rossii* [*The Will of Russia*], Prague, 1928, no. 8–9, p. 50–187. (in Russ.)

Lebedev V. V Rossii. *Volya Rossii* [*The Will of Russia*], Prague, 1929, no. 10–11, p. 3–36. (in Russ.)

Yadrintsev N. M. Sibir' kak koloniya: k yubileyu trekhstletiya: sovremennoe polozhenie Sibiri, ee nuzhdy i potrebnosti, ee proshloe i budushchee [Siberia as a Colony: Three Hundredth Anniversary: The current situation of Siberia, its needs, its past and future]. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1882, 471 p. (in Russ.)

Svetlana Yu. Kornienko – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Literary Theory and Literary Methods, Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya, Novosibirsk, 630126, Russian Federation, sve-kornienko@yandex.ru)